
Алексей Лишний
Змей

Алексей Лишний
Змей

https://litres.ru/74806467
SelfPub; 2026

Аннотация

Подарочное издание четвёртой повести цикла "Небылины".

В книгу вошла сама повесть "Добрыня и Змей" с красочными иллюстрациями и примечаниями, а также дополнительные материалы: рассказ "Вольга и Микула" и оригинальные тексты двух былин.

Содержание

От автора	4
Добрыня и Змей	6
Пролог	7
Глава 1	26
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей Лишний
Змей

От автора

Плесни-ка в кружку ещё горячего взвару да накинь на плечи тулуп поплотнее. Видишь, как багровеет небо на востоке, будто от дальнего пожарища? Здесь, у самого края изведанных земель, воздух пахнет пеплом и грозой. И даже искры, взлетающие от костра, складываются в древние пророчества.

Три пройденные вместе тропы — лишь присказка. Чет-

вёртая книга «Небылин» поведёт в самое пекло. Древнее зло расправляет крылья, затмевая солнце. Ты услышишь песнь о временах, когда плавились щиты под огненным дыханием, земля дрожала от поступи чудовища, а верность была крепче булатной стали. Не вглядывайся в тёмные тучи, что сгущаются над головой.

Наш путь продолжается.

Гляди на пляшущие языки пламени и помни: в этом огне сгорит всё ненужное, а выстоять суждено лишь сильнейшим...

Добрыня и Змей

Пролог

В горле першило.

Пришлось сделать остановку возле ручья. Лада его бежать больше не пыталась. Смирилась с участью. Мориц оставил её одну. Привязал к Трюггвиному крупу, а сам спустился к воде, испил прохладительной влаги и почувствовал неописуемое блаженство.

Мориц знал, что это продлится недолго – через час снова захочется пить.

В горле стало постоянно першить с тех самых пор, как они убили змеиного Прорицателя[1].

А ещё кожа поменяла цвет на бледно-зелёный. И клыки неудобно мешали смыкать челюсти. Больше, что ли, стали?

Он напоследок припал к ручью, надеясь напиться вдосталь. С каждым глотком першило всё меньше, и Мориц почувствовал приятную сладость. Ту самую, когда на время пропадают признаки неизлечимой болезни, и думаешь, что выздоровел...

[1] Подробнее об этом можно прочитать в рассказе «Вольга и Микула»

- Я не пойму, почему ты так меня возненавидела, лада моя? - в хорошем настроении Мориц вновь заговорил с девушкой. – Ради тебя я столько лет провёл на службе у князя Вольги, скопил состояние…

- Ты не Мориц! – красная от сдавливавших тело верёвок, девица кричала в никуда, чтобы её услышал хоть кто-то, кро-

ме похитителя. – Ты не он!

- Служба меняет человека. Конечно, раньше я казался милым и ласковым. Но знаешь, что мы пережили, пока охотились на Прорицателя? Нет?

- Ты не Мориц! – продолжала вопить связанная, стуча коленями по бедру Трюггви. – Ты не Мориц!

- Как скажешь, - согласился Мориц и взобрался в седло. – Но подскажи тогда, как доказать тебе обратное. Серёжки дорогие ты мне в лицо швырнула, платья из парчи и объяри[2] на лоскуты порезала…

- Не нужны мне твои подарки. Ты не мой суженый! Ты не Мориц!

- Как же не твой? Ну спроси что хочешь – всё отвечу. И про песни, и про сказы любимые, и про матушку с батюшкой, и про подруг.

Крепко задумалась девица. Знала она, что верно ответит на любые вопросы молодец, но душою не чувствовала рядом присутствие родного лады.

- Может, и был ты раньше им, - выдавила она наконец что-то ещё, кроме заветной фразы «Ты не Мориц». – Вот и помнишь всё. Но теперь ты не Мориц больше.

- А коли я к тебе после службы у князя калекой бы пришёл? Прогнала б ты меня, да?

Ничего не ответила лада. Значит, правду ему варяги из

---

[2] Объярь – одноцветная шёлковая переливчатая ткань, известная ещё с допетровских времён.

дружины рассказывали про короткую девичью любовь.

Мориц пришпорил верного Трюггви.

Путь до Пучай-реки[3], куда вёз он девушку, скоро кончится. Но что-то мучило его, покоя не давало. Оно вроде бы и понятно всё, а как подумаешь, так и не поймёшь ничего. Словно в тумане ехал Мориц, разглядывая призрачные очертания утопающей в зелени берёзовой рощи, томных от полуденного солнца нехоженых лугов, блистающего дивной голубизной разлива дальнего Сафата. Однако видел он сквозь толщу мглы лишь голые стволы, выжженную землю да иссохшее русло.

Происходило что-то с ним – это истина. Порой не помнил дни, недели даже, а порой ясно осознавал, кто он и где. Вот как сейчас: везёт Мориц свою ладу к Пучай-реке, а как поймал, связал и, главное, для чего её туда везёт – не помнит. И отпустить страшно – убежит, и никогда больше не будет она ему принадлежать.

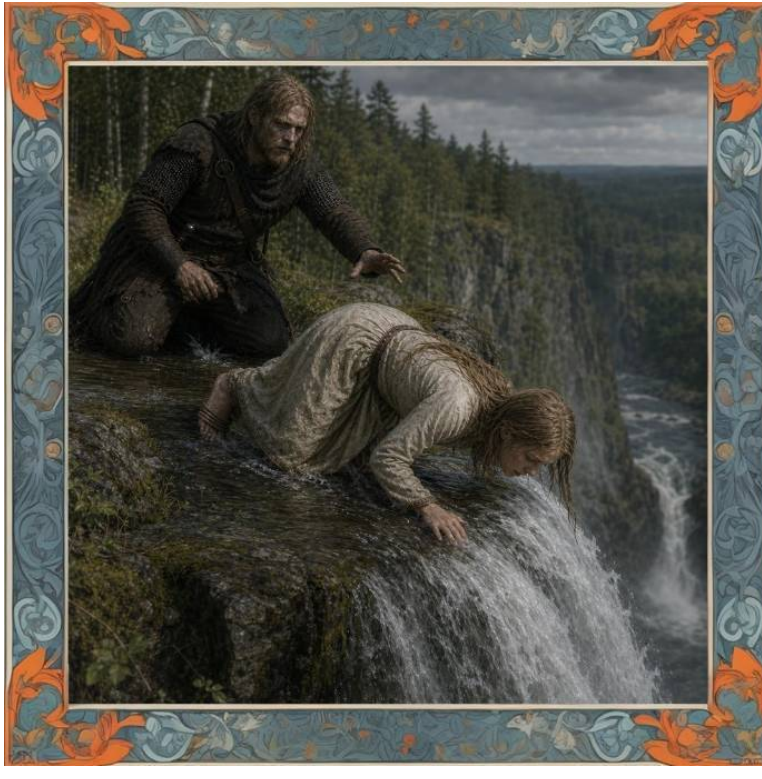
Следующую остановку сделал уже возле бурного Сафата, у края обрыва, где река с шумом падала с высоты в долину. Из водопада решил напиться Мориц и спустился немного. Потом подумал ладу свою напоить. Вернулся, снял девушку с крупа лошадиного, на ноги поставил. Ходить она всё равно не могла. Донёс до спуска пологого, сам слез и потом ей помог. Руки развязал, чтобы вдоволь холодной водицей на-

[3] Пучай-река – одно из названий мифической реки Смородины, отделяющей мир живых от мира мёртвых.

сладилась.

Пила она долго, припадая ртом к бурному потоку.

А потом нагнулась чуть больше и стремглав полетела вслед за течением Сафата.

Мориц с ужасом наблюдал за её падением. Ринулся по склону вниз, незаметно для самого себя превратившись в

огромного змея. Змей юрко сполз до заросшего одуванчиками, фиалками и ясноткой берега, окунулся в быструю реку и уже Морицем подхватил деву на руки.

Дышит! Жива!

Привёл её в чувства на берегу и долго смотрел на ослабевшее, но дивное тело.

- Я же для тебя на всё готов! – кричал Мориц, но до конца не верил себе. Может быть, любовь лады и есть то самое, что должно излечить его от мглы перед глазами. - Почему ты так со мной?! Неужели смерть лучше, чем жить нам вдвоём?!

Безвольной куклой лежала лада, и лишь глаза выдавали нестерпимую муку.

- Давай вернёмся. Идти сможешь? Я сейчас и ноги тебе развяжу.

Девушку Мориц отправил подниматься перед собой, а сам лез сзади, чтобы не сбежала и не упала снова. Нельзя её так отпускать...

Но она его больше не любит. И вновь полюбить не сможет.

К чему тогда такая жертва?

Непонятно.

Как Пучай-река должна помочь им обрести счастье?

Тоже неясно.

Однако Мориц вёз ладу туда.

Он уже давно перестал принадлежать сам себе. С тех самых пор, как Вольга убил змеиного Прорицателя.

Интересно, где сейчас Вольга?

Когда они прощались, тот уже вставал на ноги, сам ковылял до стола и даже бывало во двор выходил.

Как бы князь отнёсся к тому, что Мориц выкрал из дома свою ладу?

Впрочем, как бы ни отнёсся, не его это дело, не княжеское.

Сам Мориц разберётся, если только сможет очнуться от странной дрёмы.

***

Зелёным бархатом, окаймлённым ивняком с пушистыми прибрежными камышовыми зарослями, расстилались поля. Река серебристой лентой от низких кучевых облаков обвязывала бесконечную ширь земли русской. Ни души на разгульном просторе – один лишь ветер-скоморох свистит забавные мотивы в уши соколу. Не простой это был сокол, а бывалый богатырь - князь Вольга Святославович.

Сперва после выздоровления Вольга стал двор свой ежедневно обходить, ноги разминать и за порядком следить. От рук люди отбились, а из дружины так и вовсе не осталось никого – многие полегли на охоте за змеиным Прорицателем, прочие разбежались, решив, что не жилец их князь. У варягов верность не в чести – им главное, кто платит больше. Хороший урок получил Вольга, когда два лучших человека из дружины переметнулись на сторону Прорицателя в день решающей схватки…

Потом уже стал в окрестности выбираться: город Гурче-

вец посетил, чтобы снова дань собрать, оттуда к Микуле приехал – гостинцев привёз для скорейшего выздоровления.

И вот наконец стал время от времени дальние обходы делать – соколом по Руси летать, чтобы не только тело, но и душу исцелять. Ласковая лазурь предвечернего неба да широкая степь с малахитовыми перелесками – лучшее лекарство для неё.

Но что там за одинокий всадник мчится во всю прыть? Едет он к дальним горам и широкому бурному потоку. Тот поток Пучай-рекой зовётся. Нехорошая у неё слава: мол, если плыть и плыть на восток, можно с этого света на тот попасть, увидеться с мёртвыми и свой срок жизни узнать.

Любопытно стало Вольге и, сделав круг, спустился наблюдать за мужчиной на быстром коне. И тут заприметил, что позади всадника к лошадиному крупу привязана была девушка. Совсем не к добру… Вольга не любил в чужие дела вмешиваться, если те не на его земле делались. Но что-то подсказывало: здесь случай особый и помощь стороннего человека требуется.

Решил Вольга пока просто рядом лететь да поглядывать, куда прискачет молодец и что сотворить надумает. А там и видно будет…

Однако вскоре видно стало Вольге нечто иное, поразившее его до кончиков когтей.

- Мориц! – пропищал по-соколиному князь, узнав бывшего своего дружинника.

Почти родного, который не предал его в бою, как прочие, а, наоборот, помог Прорицателя одолеть. Благодаря ему и Вольга, и Микула живы остались. Правда, он, как деньги получил, тоже службу оставил. Объяснился, что домой хочет вернуться, семьёй обзавестись. Невеста, мол, ждёт, когда он её золотом осыплет и свататься станет.

Но почему тогда Мориц связанную девушку позади себя везёт?

Так хотелось окликнуть родного человека и порасспросить по-дружески, но казалось Вольге, что не получится дружеской беседы…

Мориц, не жалея, яростно погонял коня.

Преследовал Вольга бывшего дружинника до самой Пучай-реки. Там уже тот, как-то неуверенно сбавив скорость, стал присматриваться, в одну и в другую сторону поворачивая лошадиную морду. Наконец отправился в сторону бурлящего пеной истока. Перед крутым подъёмом с коня соскочил и стал отвязывать девушку.

- Мориц! – громко позвал Вольга, ударившись оземь и снова оборотившись человеком. Пришла пора выслушать объяснения.

Окаменел наёмник, услышав зов бывшего господина.

- Мориц, ты мне говорил, что невеста тебя ждёт… А это кто такая?

- Невеста, - прошипел дружинник не своим, но почему-то до боли знакомым голосом.

- Тогда почему же ты её связал?

- Обычай такой, - громко ответил он и, не оборачиваясь на голос князя, стащил безвольное тело с лошадиного крупа и понёс на руках к еле заметной тропинке, уводящей по склону вверх, к бурлящему, будто похлёбка в походном котелке, истоку.

- А что за обычай? Расскажи, друг, - попросил Вольга, вплотную следуя за Морицем. – Могу я чем-то помочь?

- Да, - резко выкрикнул Мориц, теперь именно он, а потом вдруг прибавил, снова с шипением: - Ты можешь уйти и не мешать.

- Что с тобой?! Ты как будто и не рад мне. Разве не помнишь, как мы прощались? Как руки пожимали, клялись в вечной дружбе?

- Помню. Но сейчас тебя здесь не должно быть, друг. Это личное.

- Ты связал девушку и против воли куда-то её везёшь. Это уже не личное. Это ты объяснить мне должен.

- Таков обряд.

- Что за обряд? И для чего?!

- Я… не… Я не… Я не знаю… - произнёс растерянный голос Морица, и вдруг те же уста зашипели слова на незнакомом языке. Громкие и страшные слова. Бывший дружинник, или кто бы он ни был, отвернулся от Вольги и настойчиво зашагал к бурлящему истоку.

- Стой! Куда ты идёшь?!

Мориц не оборачивался, нараспев произнося заклинание.

- Стой, Мориц! – закричал Вольга, краснея от ярости и бессилия. – Или ты не Мориц?! Если не остановишься, мы будем биться!

Однако понимал богатырь, что биться-то и нечем: в обличье сокола меча не взять в полёт.

Несколько шагов оставалось Морицу до конца тропы, ко-

гда бездумно ринулся ему вслед Вольга. За плечо с разгона схватил и развернул. Сначала увидел оскал звериный, ощеренную пасть, а потом… Тряхнул головой дружинник – и снова перед князем знакомые черты, будто бы искажённые оспой или другой страшной болезнью.

- Убей меня! – молил Мориц. – Убей, а потом прочь беги! А то прокля… кх-кх… - Опять дёрнулась голова, возвращая себе мерзкий облик. – Проклятый князь! Уходи! Она моя невеста! Это наша свадьба. Ты здесь чужой! Ты лишний! Тебя не звали сюда!

Вольга оторопел. Колдовство какое-то! Или проклятие? Не это ли слово хотел выговорить настоящий Мориц, пока на миг вернулся в тело? Знать бы, как помочь бедолаге… А время не ждёт!

Мориц сделал три последних шага, возобновив странные песнопения. Девушка обречённо вздыхала, но уже не сопротивлялась, ожидая страшной участи, словно зачарованный кролик перед удавом. Выкрикнув чересчур громко последние слова, Мориц весь напрягся и слегка согнул колени.

Вольга резко прыгнул, силясь дотянуться до него и сбить.

Мориц швырнул тело невесты в середину истока. Плеск заглушил истошный вопль жертвы.

Князь упал на гранитную пыль, не долетев каких-то пару пядей[4].

---

[4] Пядь – в среднем, 18 см. Мера длины, равная расстоянию между вытянутыми большим и указательным пальцами.

- Свадебный обряд, говоришь? – прошептал сам себе Вольга, подымая правой рукой лежащий рядом камень размером с череп. Мориц продолжал неистово выкрикивать непонятные слова, стоя спиной к богатырю. Негоже было врага бить, словно трус, исподтишка. Тогда громко назвал его имя Вольга: - Мориц! Отвечай за своё злодеяние!

Хищное лицо недобрым взглядом ответило безоружному князю. И тут же точно пущенный с неимоверной силой камень впечатался в него, заставив Морица откинуться назад. Вывернутые ноги не удержали тело – Мориц рухнул в исток Пучай-реки, который уже стал кроваво-красным и забурлил всё чаще.

Привстал князь, не понимая ни того, что здесь делал его бывший дружинник, ни того, что сейчас произойдёт, ни даже того, чему сам виной стал, убив его и отправив в самую глубь истока.

Надо бы дождаться и посмотреть...

«Убей меня, а потом тут же прочь беги! А то проклятие…»- так вещал истинный Мориц.

Вольге не хотелось уезжать, не выяснив, чему же виновником он стал. Или простым свидетелем? Но Мориц был другом, настоящим другом. Он бы не стал остерегать от опасности, которой нет. А судьба не терпит случайностей.

Обернулся богатырь волком и сбежал по склону до брошенного дружинником коня. Тот, завидев зверя, по тропе галопом помчал, но быстрый Вольга обогнал его, развернулся

и встал на дороге, вздыбив шерсть.

Заржал конь, передние копыта поднял, пытаясь резко остановиться, чтобы развернуться и назад, вверх по склону, от волка скакать.

Пока он разворачивался, Вольга человеком стал, в седло вскочил и коня успокоил.

В висках стучало от погони и страшных деяний. Хотел, называется, душу излечить полётом, а в итоге на муку себя обрёк. Как теперь забыть смерти напрасные? А как забыть страшный и такой довольный взгляд гибнущего в пучине околдованного Морица?

«Убей меня, а потом тут же прочь беги!»

Бежал от места убийства Вольга, но не понимал почему. Что такого знал Мориц, предупреждая об опасности?

Чувствовал Вольга, что не закончится этим дело. Аукнется колдовство по Руси новой бедой.

«Прочь беги!»

Трое их выжило после битвы с Прорицателем: Микула, Вольга и Мориц. Не убежали, а победили. Именно Мориц разбойников добил, богатырей спас, а вот теперь…

И тут Вольга вспомнил голос…

Свистящее шипение… Ведь так сам Прорицатель вещал! Вольга убил его, убил своего змеиного отца. Но голос… Околдованный Мориц говорил точно таким же голосом!

Неужели змеиный дух выжил и всё это время терзал несчастного дружинника?

Чего же он хотел от Морица? Его невесту?

Вольга погонял коня. Вот уже выехали с горной тропы на широкую дорогу, но что-то заставляло остановиться и даже вернуться. Любопытство или страх?

«Убей меня, а потом тут же прочь беги!»

Видимо, Мориц всё-таки прозрел за эти месяцы и понял,

кто же медленно пожирал его душу. Он отослал прочь Вольгу, так как не хотел, чтобы зло вселилось в новое тело.

Но если там не осталось никого? Куда денется дух Прорицателя? Растворится?

Вольга готов был молиться любым богам, лишь бы это произошло.

Он остановился на перекрёстке, прислушиваясь к зову сердца. Оно велело ему ехать по той дороге, откуда Мориц вёз «невесту», найти его деревню, людей расспросить, родителям в ноги поклониться, чтобы прощение вымолить за смерть сына и о подвигах его рассказать.

Посмотрел на солнце Вольга и отёр платком взмокшую шею. Проще было б соколом лететь, но вернуть коня надо в родное стойло. А уж соколом он обратно вернётся – проверить, какое зло напоследок его змеиный отец сотворил.

«Прочь беги!»

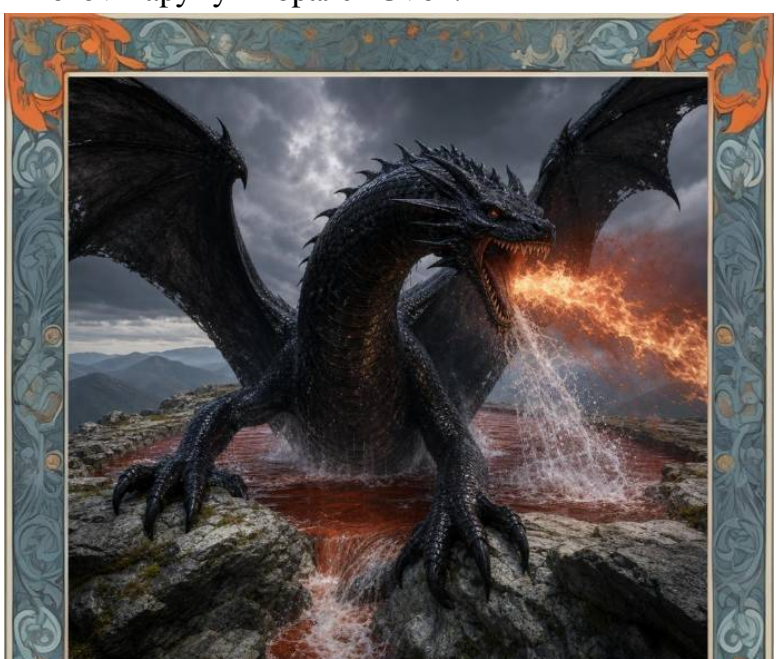
Разогнал Вольга коня с места в карьер, так что пыль столбом летела из-под копыт.

А в это же время исток в горах перестал бурлить. Пунцовая вода успокоилась, и лишь пузыри появлялись в одном и том же месте.

Как вдруг пузыри потянули воду за собой на дно, образуя глубокую воронку, словно кто-то огромный пытался втянуть в себя воздух, но не мог и оттого захлёбывался.

Огонь полыхнул из самой глубины, испаряя верхние слои истока.

А потом наружу выбрался Змей.

Он ухватился огромными чёрными когтями за гранитные берега, взревел и выбрался на сушу, отхаркиваясь огнём и водой. Когда Змей наконец пришёл в себя, он с любопытством осмотрел горные склоны в поисках первого пристанища – большой, но скрытой от глаз пещеры. Надо где-то спря-

таться на время, освоиться…

Расправив могучие чёрные крылья, взлетел Змей, устремляя вверх голову на длинной шее, покрытой чешуйчатой кожей. Полуденное солнце превращало крепкие пластины на его груди в блестящие позолотой щиты.

Обряд свершился. Жертва была принесена, чтобы великий страж Пучай-реки возродился.

Глава 1

- Гой, добрый молодец, ты погляди, какие серёжки! Искусной сканью[5]сделаны эти два нарцисса, - звонкий голос мальчишки-зазывалы со двора ювелира продолжил череду испытаний для Добрыни. – А если княжеские златники у молодца есть, так у нас и получше серёжки найдутся.

Испытания всякий раз начинались, когда матушка отправляла Добрыню к крепостной стене в лавку торговца рыбой. От его дома со стены сразу начинался спуск к реке. А чтобы пройти до лавки, нужно пересечь район ремесленников и торг[6]. Не то чтобы Добрыня подвергался соблазнам накупить украшений или пряников…

- Молодец, я же вижу, что дороден ты и могуч. Чую, девки так и льнут к тебе…

Испытания - это докучливые зазывали. Порой они бывали столь назойливыми, что одна лишь природная склонность к миролюбию удерживала богатыря от членовредительства.

- Неужели пожалеешь горстку монет на счастье своей лады? Или себе купи из серебра колечко с чернью[7]…

---

[5] Скань – ажурный узор из тонкой верёвки или проволоки поверх металлических ювелирных изделий

[6] Торг – старинное название базарной площади

[7] Чернь – сплав из металлов для заполнения выгравированного на ювелирном изделии рисунка

- Денег нет у меня, малой, - не выдержал Добрыня и ответил, поставив на пыльную деревянную мостовую огромный котёл с плещущимися в нём окунями, лещом и крупным толстолобиком. - Есть меч. Давай в шахматы сыграем: ты серёжки поставишь, а я меч свой.

- Зачем играть-то? Я согласен на обмен.

- А я разве на дурака похож, чтобы просто так верный меч на ненужные мне серёжки менять? – Добрыня руки перед грудью скрестил. – Мне в шахматах равных нет, так что у тебя шансы - один к ста.

- А я разве на дурака похож, чтобы на такой шанс рассчитывать?

- В любой азартной игре если хочешь большего, то на удачу и ставишь. Но в шахматах всё не так. Там не в удаче дело. Я могу тебя подучить немного, пока у матушки гощу, а ты бы за это мне и заплатил батюшкиным изделием.

- Нет, ты уж лучше купи что-нибудь. Зачем мне твои шахматы, когда в доме шаром покати с тех пор, как батька пропал.

- Куда ж он у тебя делся-то? – самым серьёзным тоном заговорил Добрыня, приближаясь к широкому навесу крыльца, под которым сидел на скамье мальчишка.

- Отправился купаться на Пучай-реку да и пропал. Поминай как звали. Вот и кукуем теперь вдвоём с матушкой…

- Отчего ж он так далеко купаться решил идти? Тут с крепостной стены спуститься до Оки…

- Кукуем теперь вдвоём с матушкой, пытаемся последние батюшкины изделия продать, чтобы с голодухи не помереть, эхма… Кабы были деньги у тебя, добрый молодец…

- Да есть, есть деньги-то. Кроме того, я даже батьку твоего найду! - говорил Добрыня, доставая из кошеля пригоршню монет. – Сам сегодня же попробую в этой речушке искупаться. Только одно мне от тебя узнать надобно.

- Чего же? – без интереса спросил мальчишка, у которого глаза загорелись от вида настоящих златников.

- Ты о пропаже-то сам придумал или слышал где такое?

- А? – Мальчишку будто бы ушатом ледяной воды вернули из прекрасного сна.

- Если слышал где, то вспомни, пока я твоего дружка догоняю, - говорил Добрыня, глядя в ясные глаза собеседника. Говорил и не видел того, что происходило за спиной: шустрый малец, крадучись из-за угла, осторожно схватил котелок с рыбой и отправился дальше, сойдя с мостовой, чтобы скрипом досок не прервать беседу.

Или видел? Но чем видел? Глаза ведь прямо сюда, под навес крыльца, смотрят.

Задумавшись над всеми вопросами, сын ювелира совершенно обомлел. Обычно всё происходило куда проще: заметив чужанина с приличной ношей, он начинал зазывать его, используя всё мастерство краснобайства. Придуманными историями о сиротстве, нищете, злобной мачехе, пропавшей сестрёнке мальчишка вымаливал сумму гораздо больше

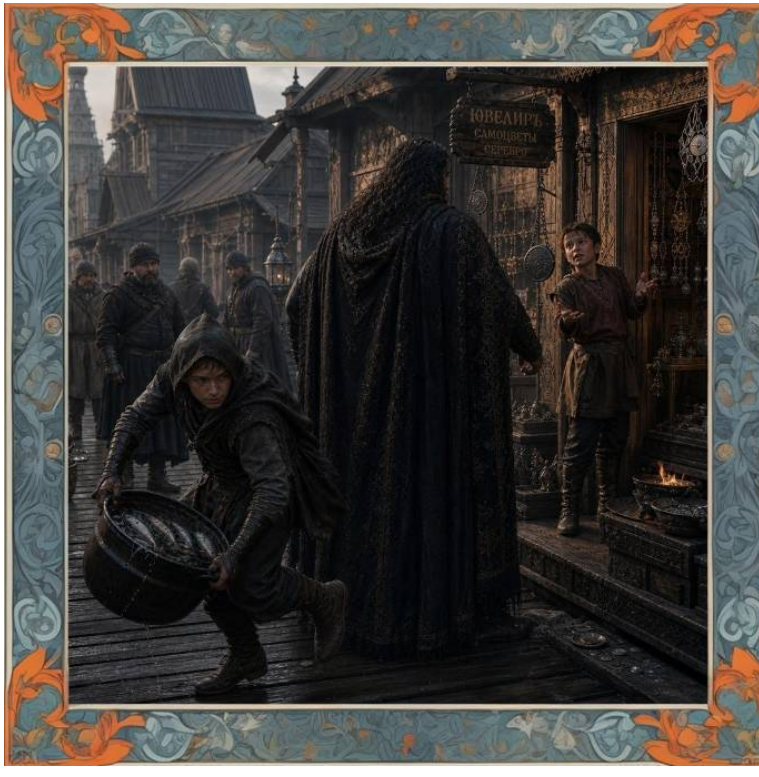
той, чего стоили украшения отца. В это же время друг его незаметно забирал оставленные сумки или мешки. И конечно, первым замечал вора сын ювелира.

- Держи вора! – обычно яростно кричал он. Чужак гнался за дружком, но фора, понятное дело, была слишком большой, чтобы обычный человек мог догнать подростка. Они даже условились считать про себя до дюжины, а потом кричать.

Вечерами уже вдвоём делили награбленное за день. А вот прибыль от втридорога сбытых украшений сын ювелира оставлял себе одному.

Сегодня всё сначала шло как обычно.

И вдруг, высказав последнюю просьбу, незнакомец развернулся и рысью рванул за дружком-вором, настиг его в два прыжка, за шкирку взял и обратно поволок.

- Ну что, малой, вспомнил, откуда история о пропавшем отце?

- Да не, не вспомнил. Вроде так, на торге толковали бабы, что какому-то мужику в голову взбрело пойти на Пучай-реку купаться… И нет, мол, от него вестей. А точно и не помню, кто говорил и про кого…

- Я тоже слово обещанное сдержу: нашёл я батьку твоего. Дома он. Дома и был. И не уходил никуда. Слышишь: молоточек тихо постукивает?

Не знал малой, что и ответить, но понял: теперь за грехи отвечать придётся.

- Вот для чего в шахматы играть: чтобы каждый ход наперёд знать, - грозно высказался Добрыня и взошёл на крыльцо, таща за собой изо всех сил упиравшегося дружка-вора. – С батей твоим сейчас потолкую, о ваших затеях расскажу, а ты пока рыбу мою посторожи хорошенько.

Кивнул малец. Теперь-то уж точно не пропадёт котелок.

- И советую тебе на будущее иные развлечения найти. Моё предложение всё ещё в силе! Пока я ещё в Рязани.

***

В льняной рубахе, неподпоясанной, без узоров и стоячего ворота, Добрыня шёл по мостовой к дому матушки и улыбался. Ему нравилось в Рязани: и с пользой время проводил, и отдыхал. Вот и сейчас: не только приятную прогулку совершил по родному городу, где каждая досочка мостовой знакома, но и по делу сходил, а заодно и наглецов проучил. У ювелира глаза на лоб полезли, когда он про сыновьи заработки прознал!

И так каждый день почти!

То на пир у князя местного позовут на гуслях играть – но там же и угостят знатно; то опять же в палаты княжеские гости приедут интересные, так его тоже зовут – славен Добры-

ня в городе как человек воспитанный и собеседник интересный. Порой и на охоту соберутся. Вот уж поистине удалая забава! Да и припасы на зиму матушке…

А то просто соседям помочь колодец от ила очистить - и проговорить с ними до самого вечера или в шахматы прямо до утра засидеться. Красота! С детства ещё он всех худо-бедно смышлёных мальцов этой игре обучил. Их улицу даже в народе стали Шахматной звать. Теперь мальцы выросли, ремеслом своим денно и нощно увлечены, так что мало кому досуг со старым товарищем партию-другую составить.

- Мама, я вернулся! – громогласно поведал он широкому пустому простору родного дома. Как ни странно, в хоромах матушка уже долгое время жила одна. Отца своего, воеводу рязанского, Добрыня даже не помнил – тот умер в битве с осаждавшими город половцами. Сам же богатырь, как на службу в Киев уехал, так здесь лишь во время редких приездов появлялся.

Амелфа Тимофеевна во всей красе появилась на лестнице. Видно, сидела в тереме, в окошко глядела. Ждала, значит. Или вышивала и ждала. Но знал Добрыня, что матушка его никогда к труду любви не питала, жила в праздности и достатке.

- Спасибо, сынок, за заботу. Рыбу на обед девкам отдай, а прочую в ледник снеси.

- Хорошо. Но только я обеда ждать не буду – купаться пойду. Жарковато сегодня, - сказал Добрыня, для пущей убедительности отлепив от груди верхнюю, насквозь промокшую часть рубахи.

- Сходи. У меня Палашка нерасторопная. Она может обед долго делать, так что ты, может, и вернёшься.

- Это вряд ли, матушка. Я сегодня решил сходить в Пучай-реку окунуться…

Лицо Амелфы Тимофеевны вмиг изменилось: брови нахмурились, глаза сузились, щёки словно сталью покрылись, а нос вперёд выдвинулся, будто бы выводя на бой слова и мысли.

- А зачем тебе там купаться? Ока ближе: спустись от стены…

- Не люблю я одной и той же дорогой дважды ходить, вот и решил…

- Так сходи дорогой подальше: через пустырь, где храм будут строить.

- И не отговаривай, матушка. Я уж так решил сегодня, что надо в Пучай-реке искупаться…

- Не надо туда ходить, Добрынюшка! – Амелфа Тимофеевна сбежала по ступеням, чтобы сесть на лавку возле сына и умолять его следовать её совету. – Вода там не святая, а дорога куда дальше – два села надо пройти! Не будь дураком.

- Приятно слышать такое, нечего сказать. Когда я самого хана татарского в шахматы обыграл…

- Ты у меня самый умный человек на земле русской!

- Как быстро ты мнение, однако же, меняешь…

- Я всегда так думала и думаю, но не надо, слышишь, не надо ходить купаться на Пучай-реку. Это тебе и дитя малое

здесь скажет, и старуха древняя. Так прислушайся! Умный человек умеет прислушиваться.

- Давно уж не дитя я малое, чтобы слушаться.

- Для меня ты, Добрынюшка, навсегда дитятею останешься. Хоть стал ты большой да грозный богатырь, но помню я тебя в колыбели ещё, с розовыми ручками и ножками… Сопел и пыхтел презабавно, а сейчас вот мать родную не слушаешь.

- Прости, матушка, но рыбу уж ты сама как-нибудь девкам передай, - свирепо сопя, Добрыня поставил котелок на пол и, развернувшись, пошёл, кипя от гнетущего изнутри возмущения, к двери.

- Ну для чего ж она тебе, а?! – Вскочив с лавки, побежала за ним матушка, пытаясь схватить то за плечо, то за локоть. Но всякий раз вырывался сын и упрямо шёл к выходу. - Наверно, красавица какая вызов бросила там искупаться, а ты, дурачок, и повёлся.

- Ты уж определись наконец: я самый умный человек или дурачок, - проскрежетал Добрыня и дверь открыл.

– Добрыня, стой! В народе говорят, там пропал кто-то. Не хочу я, чтобы и ты...

Но не дослышал окончания речи сын. Выскочил на улицу, встретившую его теплом безмятежного лета.

Ему многое нравилось в Рязани: и с пользой время проводил, и отдыхал.

Только не дома.

Хоть и чтил он сыновий долг, но очень сильно им тяготился из-за непростого характера матушки, которая считала, что для Добрыни есть лишь два пути: правильный и дурной. Правильным путём считалось следование всем её советам и наставлениям. Ведь она мать – плохого не пожелает.

Вот только приходится порой богатырю и на жертвы идти…

Этого путь правильный никак в себя вобрать не мог.

***

Простой рязанский мужик вряд ли бы удосужился сюда идти, чтобы искупаться. Добрыня это понял, пока за второй час пути ещё и намёка на горы даже не увидал вдали. Полноводная Ока же под боком протекала: спускайся к гавани или чуть дальше выбирай место для купания – всё рядом.

Но сюда идти…

Воистину матушка могла про Добрыню как про дурачка подумать, не зная его истинных мотивов.

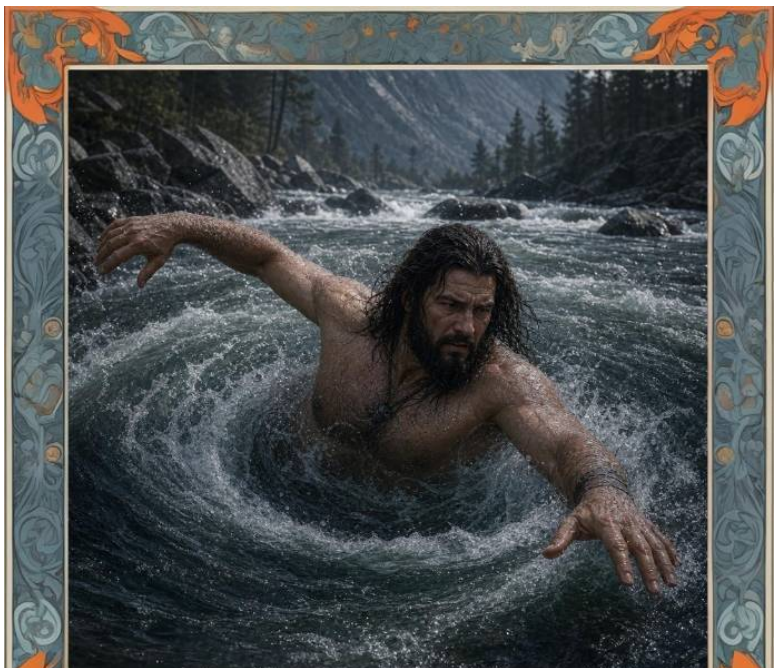
Когда же до самой реки наконец добрался, понял также, что тут и сравнивать нечего с Окой: в три-четыре взмаха руки до того берега доплыть можно. Это ж и плаванием не назовёшь. Баловство одно.

Ну как тут здоровый муж потеряться мог? Утоп, что ли, по своей воле?

Разделся Добрыня, вещи и оружие под камень сложил, чтобы шальным ветром не разметало. Посмотрел на небо: чистое какое до сих пор. Ни облачка! Благодать-то божья! И

места вон сколько – вокруг ни души! Жить бы всем и радоваться – тогда б и богатырская служба не востребована оказалась. Но Добрыня и не прочь иную службу найти: лишь бы всем достаточно для счастья было вот так просто жить, солнцу и холодной воде радуясь.

- Опробуем-ка тебя, Пучай-речушка, - проговорил богатырь и вошёл в быстрый поток, спускавшийся с возвышенности. – У-у-ух, ледяная какая! У-у-ух, студёная! Да уж – такого точно в Оке не найдёшь. Может, потому и ходят сюда…

Не успел договорить Добрыня сам же себе умную мысль про омоложение холодной водой, как почувствовал огромную тягу – вправо, к истоку, и вниз резко дёрнуло его ноги, хотя поток Пучай-реки привычно двигался в сторону Оки. Оттолкнувшись обеими ногами, богатырь заработал руками, как широкими вёслами, пытаясь уйти от воронки. Грех здесь

не выплыть – вон до берега два аршина!

Или три?

Несмотря на все усилия, берег уходил всё дальше, а голова пропадала под водой. Добрыня захлёбывался. Пробовал плыть вперёд, но сильно засасывало его куда-то в самый ил и песок.

Ох, права был матушка!..

Что ж, она может себе позволить высказать это перед всем честным людом на его похоронах.

Добрыня тонул, в глаза и ноздри лезли песчинки. Казалось, голова вот-вот лопнет, треснет и потечёт.

И вдруг его словно выкинуло на жёсткий берег. В копчик впился острый склизкий камень. Добрыня оттолкнулся от него, проплыл немного вперёд и вылез на другом берегу. Успокоился, отдышался и пригляделся к очертаниям во тьме. Проход под водой вытолкнул его, видимо, в пещеру с озером. Главное, жив – выбраться и отсюда можно.

- Добро пожаловать в мою обитель! – внезапно прогрохотал под сводами зычный голос.

Добрыня вздрогнул, чувствуя, будто попал из огня да в полымя. Что за тварь говорящая могла называть обителью тёмную пещеру? Как назло, оружие осталось снаружи.

– Ты не похож на других. Ты крепче и куда храбрее. Не отчаиваешься и не пищишь, как твои сородичи. Даже нагим будто хочешь сражаться! Советую даже не пытаться – сейчас ты для меня как мышонок в коробке. Могу коготком твой

хвостик прижать, а могу и огнём коробчонку обдать.

- Кто же ты такой?! – прокричал Добрыня во тьму.

И тьма ответила:

- Я?.. Я тот, кто был здесь испокон веков, кто сторожил проход из одного царства в другое. У меня много имён. Отныне мне судьбой доверена новая задача… И потому мне интересно было б знать, а кто ты таков?

- Я? – переспросил Добрыня. Надо делать ход. Но фигуры врага скрыты. Стоит попробовать разведать позиции, выдав пешку. – Я тот, кто не был здесь ни разу, кто службу служил, а потом приехал в Рязань к матушке погостить. А вот имя у меня всего одно…

- Сразу же я понял, что на других ты не похож. Да и шутник к тому же, гляжу. В лицо смерти можешь, не боясь, смотреть. Откуда пожаловал в здешние края?

- Из самого Киева. Я там при дворе служу.

- Хороший ответ. Он подарил тебе жизнь. На время.

- Что же может увеличить время?

- Твоя польза мне, - прогремело из тьмы, теперь уже за спиной Добрыни. Вскочил богатырь и побежал наугад, пока не наткнулся на стену. Развернулся – в другую сторону ринулся, как вдруг перед ним возникло препятствие – блестящая чешуйчатая преграда. Поднял голову Добрыня: в пяти аршинах от него в высоту - огромная чёрная змеиная голова с длинным языком.

Упал богатырь и стал медленно отползать, пытаясь не обезуметь от дикого страха. Таких чудищ отродясь не встречал никто из живущих на земле русской. А если и встречал, то это последняя его встреча была.

- Видишь, я тебя пока не трогаю, - говорил Змей. – Надеюсь на пользу твою. Будет от тебя польза?

Добрыня кивнул. Слопал его пешку огромный конь – вре-

мя менять тактику игры. Отступить нужно, с мыслями собраться.

- В Киеве есть князь. Живёт он во дворце. Ты бываешь во дворце?

- Бываю, - ответил Добрыня, поднимаясь с земли и отряхиваясь. – Служба у меня там, говорю же.

- Так это замечательно! - Коварно блеснули глаза Змея. Он отвернулся от богатыря и направил поступь свою во тьму. – Кем же ты там служишь?

- Виночерпием, - солгал Добрыня, прижимаясь к стене и тихо двигаясь вдоль неё к просвету вдали.

- Виночерпием? Разве не отроки вино гостям подносят?

- Я старший виночерпий. Мне выше подниматься и некуда…

- Значит, найдётся куда. Ты мне поможешь, а я не только тебя отпущу, но и открою новые дороги, - неотступно, но незаметно следя за передвижениями богатыря, голова Змея насмешливо подёргивалась.

- Какие такие дороги? – любопытно стало Добрыне, да и надо было зверя дальше заговаривать – пусть же всласть языком почешет.

- Разные… Могу открыть дороги жизни: если службу мне сослужишь, сделаю так, что для народа киевского ты навсегда героем останешься. И уж тогда тебя из виночерпиев в князья удельные пожалуют. Могу и дороги смерти открыть. Я ж здешней реки страж. Хочешь кого из мёртвых прове-

дать? Прощенья попросить или узнать, кто их погубил…

Подумал Добрыня про отца своего. Свидеться бы с ним… Это ж мечта недостижимая.

Но разве можно со Змеем сделку заключать?

- А что взамен попросишь? – Опять же и время потянуть, и о планах разузнать.

- Князь мне нужен киевский. Хочу изничтожить его. Да ты не пугайся: на его место потом новый придёт, а потом ещё один, пока не начнут бояться в дружине место княжеское занимать. Вот тогда и можно серьёзную смуту засеивать по Руси… - последнюю фразу Змей произнёс тихо. Не для Добрыни, а больше для себя.

- Тут я тебе не помощник. Князь Владимир со мною речей не ведёт: только пальцами щёлкает, когда в чарку вина подлить надо. Про товар же свой, про склады и погреба только со старшей дружиной беседую, - еле сдерживался Добрыня. В голову словно туман наползал, мысли путал, и уже не понимал он: то ли за себя говорит, то ли за выдуманного виночерпия. Как бы не спутаться, чтобы не раскусил Змей? Как бы живым уйти и тайны княжеские не выдать?

- Охрана есть ли при нём?

- Дружина всегда на страже.

- Ну а расскажи, как день у князя проходит.

- Всё в делах… Обычно он всё время у себя проводит или на торжественных приёмах в большом зале. Гуляет, с дружиной беседует или с послами иноземными. Порой в покои ца-

ревны Анны направляется в западном крыле хором, а иногда детей навещает. Слышал, приехала к нему погостить племянница-красавица на выданье. Он её в тереме поселил, подальше от любопытных глаз, - говорил и говорил Добрыня без умолку. Хотел себе даже рот ладонью прикрыть, но понимал, что добром такое не кончится. – Нашли ведь уже ей жениха – едет в Киев с подарками.

- Хватит про девиц вещать! – вместе с грозным рыком дым повалил изо рта Змея. – Я про князя спрашивал. Где его можно за пределами хором одного найти, без охраны?

- Нигде. А что тебе его охрана? Ты ж вон какой огромный да страшный – разбежится дружина, если ты подлетишь на широких крыльях.

- А если нет? – Огромная морда приблизилась к богатырю. Повеяло смрадом и копотью. Два красных глаза с чёрными зрачками немигающе всматривались в Добрыню, словно пытаясь приковать к стене. – Я страж прохода по ту сторону Пучай-реки, и я очень долго пребывал там… Наслушался от приходящих туда всякого о деяниях богатырей дружины киевской. Есть там храбрые молодцы – тебе не чета, виночерпий. И потому рисковать жизнью отныне буду лишь там, где без того не обойтись. Ведь обратно, по ту сторону Пучай-реки, мне совершенно не хочется.

- Значит, я тебе помочь смогу, - сам вызвался Добрыня, отворачиваясь от пронзительного взгляда.

- Как же, виночерпий? – хитро прищурившись, спросил

Змей. До просвета в пещере, казалось, всего-то с два шеста[8]дойти, но под пристальным наблюдением и шага сделать не получится.

- А я подговорю князя одного на прогулку за город выйти. Уж найду способ: погреба, мол, новые осмотреть или с принцессой иноземной познакомить. Выйдем мы с ним через главные ворота, на поляне усядемся – ты и подлетишь к нам…

- Хороший план, - подтвердил Змей, совершенно прижимая Добрыню к стене, так что чувствовал он горячее дыхание его ноздрей на плече. - Нужно день только выбрать.

- Лучше всего подойдёт неделя, чтобы никакая служба не помешала. Князь заутреню отстоит, а потом я его и уговорю со мной пойти.

- Какой сейчас месяц?

- Изок… Разноцвет[9].

- Значит, жди меня в третью неделю[10]страдника[11]. Прилечу, князя изничтожу, а тебя награжу. Но если не приведёшь на поляну Владимира к этому дню, то я вернусь сюда и всю Рязань пожгу. Не останется у тебя, виночерпий, ни кола ни двора. И родных тоже. Так договорились?

- Договорились, - кивнул Добрыня и руку на сердце поло-

---

[8] Шест – старинная русская земельная мера длины, равная десяти саженям

[9] Изок, разноцвет – старинные славянские названия июня

[10] Неделя – старинное славянское название воскресенья

[11] Страдник – старинное название июля.

жил.

***

- Договорились? – Князь рязанский даже поперхнулся сбитнем, отчего хмельной напиток хлынул через нос. Тут же подбежали слуги с платками и полотенцами. Он их отогнал, как мошкару, движением руки. – Со Змеем договорились?

Даже гусляр, худощавый мужчина средних лет, в бирюзовом смешном колпаке, без бороды, но с аккуратными усиками, тихо наигрывавший каждый день одни и те же мелодии, замер в предвкушении скандала. Вот о чём следующая песня будет: как богатырь киевский договоры с нечистью заключает!

- Да, - смело отвечал Добрыня.

- Но кто же это договаривается с чудищами? Их убивать надо!

- Так, может, оно и не чудище вовсе. Вот же меня отпустил подобру-поздорову.

Бояре за столами неодобрительно качали головами.

Меж тем подали янтарную уху, принесли новые караваи хлеба и кувшины с мёдом.

- А кто вообще от Змея пострадал? – продолжал настаивать на своём Добрыня, пока все прочие были заняты вторым приёмом пищи.

- Глебка Шальной, - выкрикнули откуда-то с другого кон-

ца пиршественного зала.

- Он везде окрест гулял, каждый камушек знал, - добавил беззубый старик, сидевший напротив князя и потрошивший варёную рыбу, бдительно рассматривая кости и косточки, чтобы потом сложить их аккуратной горкой рядом с тарелкой ухи. – Говорил Глебка, будто поселилось зло возле Пучай-реки. Неспроста он туда отправился. Ой, неспроста…

- Так, может, и бродит где-нибудь до сих пор окрест ваш Глебка. Я в пещере змеевой его не видал. А сам Змей клятвенно мне обещал не трогать Рязань и на жителей не нападать. А если никто купаться в Пучай-реке не будет, так вы вообще о нём и не услышите больше.

- Подожди, давай ещё раз, - не притронувшись к ухе, но опорожнив очередную кружку сбитня, князь решил собрать воедино все сведения об угрозе, появившейся в окрестностях его города. - Ты решил сегодня днём искупаться в Пучай-реке. Так? Залез в воду. И вдруг из ниоткуда прилетел Змей. Верно?

Добрыне достаточно было всякий раз кивать, потому что князь не дожидался ответа.

- Змей напал на тебя, но ты был безоружен. Вот тогда… Тогда ты взял…

- Сколько раз повторять?! – пришлось отвечать именно на этом, самом спорном, моменте, выдуманном на ходу, чтобы прославить новую веру князя Владимира. – Тогда я взял шапку земли греческой, запустил в Змея…

- Шапку земли греческой! Нет, вы послушайте! - усмехнулся длиннобородый боярин, сидевший в окружении купцов, которые ловили каждое его слово. – А что она делала, интересно, там?

- Что делала? – возмутился Добрыня тому, что не все охотно верят в его выдумки. – Лежала она там.

- И часто же у нас вдоль Рязани шлемы византийские бесхозными валяются? – теперь князь уже открыто потешался над Добрыней.

- Не знаю уж, часто или нет, но взял я её и в того самого Змея бросил. Она все хоботы Змеевы отбила.

- Хоботы?! – хохотнул боярин, а вслед за ним и дюжина купцов. – Афанасий мой видал вон твои хоботы в заморских краях. У диковинных зверей они есть – слонами их прозывают. Но чтоб у змея хоботы! Чудеса!

- Ну тебя с твоими слонами! Уморил! – захохотал князь, сам утирая лоб платком. – Наш богатырь про хвосты же говорит. Только как твоя шапка земли греческой ему все хвосты-то поотбивала? Полями острыми отрезала или ты её метнул так сильно, что хвост сам отпал? Как у ящера, да?

Встал Добрыня из-за стола, губы узорчатой ширинкой утёр и произнёс громко:

- Спасибо всем за гостеприимство и, главное, за доверие. Но слишком долго отдыхал я на родной земле – на службу пора. Ждут меня подвиги славные. Здесь же, как я понял, не верят слову богатырскому…

Гусляр снова перестал бренчать. Повисло неловкое молчание. Конечно, никто не верил россказням Добрыни, но вслух сейчас сказать об этом – особенно когда богатырь уходить собрался – было бы верхом неприличия. Уж лучше потом они будут вдоволь смеяться над «хоботами» и «шапкой земли греческой».

- Потому и ухожу. Ещё раз спасибо за гостеприимство, - поднял кружку, осушил и со стуком на стол поставил. Через весь зал Добрыня прошёл по красной дорожке, сверкая начищенными доспехами, блестящими ножнами и высоким шлемом в руке.

Гордо ушёл богатырь. И ни капли не обидно было от насмешек: сам же всё выдумал. И специально выдумал, чтобы, с одной стороны, предостеречь народ рязанский. Теперь уж вряд ли кто любопытный купаться в Пучай-реку сунется, зная, что может там огромного Змея повстречать. С другой стороны, его россказням не поверили – значит, не станут ополчение созывать или от страха из города бежать.

То есть Змей для жителей Рязани как бы есть, но в то же время его и нет.

Очень удобное для Добрыни положение, чтобы спокойно самому со своим обещанием Змею разобраться. Нельзя, чтобы он Рязань спалил…

Впрочем, оно ему и не надо, если Добрыня верно сущность Змея понял.

Он же один. И он всего лишь страж. Просто что-то новое

сейчас влилось в его сущность и требует корма.

И это что-то воспользуется любыми средствами…

Правильно, наверное, пожертвовать пешкой. Это было единственно верным решением.

Пока.

А там надо будет думать. Но уже после…

После того, как Змей свой ход сделает.

Но на доске шахматной уже не один Добрыня окажется, а вместе с друзьями верными – богатырям

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.